

За кулисами трибунала

А. А. Кириченко*

Токийский трибунал проходил с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. Он был сформирован из представителей одиннадцати стран (СССР, США, Великобритания, Франция, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Голландия, Китай, Индия, Филиппины). Устав Токийского трибунала в основном был аналогичен Уставу Международного военного трибунала в Нюрнберге, но были в нем и существенные отличия. Так, трибунал в Нюрнберге был образован на основе соглашения между четырьмя союзными державами (СССР, США, Великобритания и Франция), а Токийский трибунал был учрежден приказом Главнокомандующего союзными оккупационными силами в Японии генералом Д. Маккартуром. Его же приказом были назначены и члены трибунала, ему предоставлялось и право утверждения вынесенного приговора.

Состав стран, принявших участие в Токийском трибунале, вызывает недоумение. Ибо только Китай, Филиппины и США могли предъявить претензии обвиняемым. Что же касается Англии, Франции и Голландии, то на них не упала ни одна японская бомба, и они на заседаниях «защищали» интересы своих колоний. Для Кореи же, которая к тому времени, правда, уже была разделена на «южную» и «северную», и имела безусловное право на участие в процессе, в Токийском трибунале места не нашлось.

Для руководства «советской частью обвинения» Политбюро ЦК ВКП (б) учредило комиссию под председательством первого заместителя министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского. Наша страна на процессе была представлена только стороной обвинения, ни один советский защитник в процессе не участвовал.

20 марта 1946 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило директиву, в которой указывалось: «Главной задачей советского обвинения должно быть разоблачение систематической японской агрессии против нашей страны: русско-японская война 1904–1905 гг.; интервенция 1918–1922 гг.; захват Маньчжурии в 1931 г. и превращение ее и Кореи в военный плацдарм; организация белогвардейских сил для враждебной Советскому Союзу деятельности; организация японцами агентурно-террористических актов, диверсий и саботажа на КВЖД; агрессивные действия на советско-японской границе; нападение японских войск на СССР в районе озера Хасан; нападение японских войск на союзную Советскому Союзу Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол; сговор с Германией и подготовка к нападению на СССР в период, предшествующий второй мировой войне и во время войны, в том числе нарушение Японией договора о нейтралитете»¹.

Перечень обвинений в адрес Японии, видимо, был составлен второпях. Впоследствии, особенно во время проведения следственных действий и допросов интернированных, он значительно сократился. Рассматривались только вопросы, начиная с событий 1938 г. на озере Хасан.

В директиве указывалось, что советские представители не должны возражать против предания суду кого-либо из 17 лиц, которые американцами рассматривались как главные военные преступники. Это были Тодзио, Хирота, Того, Мацуока, Осима, Доихара, Хасимото, Араки, Хата, Гото, Коисо, Судзуки, Минами, Мадзаки, Сиратори, Аикава, Тани. Большинство кандидатов в подсудимые в спешке были названы только по фамилиям².

* Алексей Алексеевич Кириченко — научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Советским представителям настоятельно рекомендовалось всеми силами добиваться, чтобы суду были преданы еще и Хиранума, Арита, Сигэмицу, Умэдзу, Кудзуу, Мацуи, Фудзивара, Томинага. И советские представители добились того, что большинство лиц из дополнительного списка оказалось на скамье подсудимых³.

Вопрос о судьбе императора Японии на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) рассматривался особенно тщательно. Общеизвестно, что Советский Союз по природе своей был яростным ниспровергателем монархий. Но в случае с Японской империей пришлось считаться с таким обстоятельством, как абсолютное господство США после войны в этой стране. В конце концов, возобладали выжидательная тактика, и директивой было предписано следующее: «Вопрос о включении в число обвиняемых императора Хирохито не ставить, но если представители других стран выдвинут это предложение, то поддержать его»⁴. Однако никто не предложил привлечь императора к ответственности.

Подготовка к Токийскому трибуналу началась еще до появления указанной директивы в соответствии с устными указаниями Сталина. 25 января 1946 г. заместитель народного комиссара иностранных дел В. Деканозов направил начальнику Главного управления контрразведки «СМЕРШ» НКО СССР⁵ генерал-полковнику В. Абакумову следующее письмо:

«В Токио создан Международный военный трибунал для суда над главными военными преступниками Японии. Советское правительство уже назначило своего обвинителя и судью, которые в ближайшие дни выезжают в Токио.

По имеющимся у нас сведениям, английское правительство включает в список главных японских военных преступников 20 человек. О количестве выдвинутых главных преступников со стороны Америки сведений не имеется, но предполагается, что число их, вероятно, будет от 30 до 40.

Исходя из этого, Наркоминделом составлен предварительный список на 57 японских военных и политических деятелей, которых предполагается выставить в числе главных военных преступников Японии от советской стороны.

...Одновременно прошу дать по вашей линии указание приступить к подбору и обобщению имеющихся в вашем распоряжении характеристик, документов и других фактических материалов, которые могли бы быть использованы нашим обвинителем на процессе в качестве обвинительных материалов. Все эти материалы

по мере подборки прошу срочно направлять в НКВД СССР.

Приложение: список на 57 человек»⁶.

В тот же день Деканозов направил письма аналогичного содержания начальнику Главного разведывательного управления Красной армии генерал-полковнику Ф. Кузнецову, наркому внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Круглову, наркому государственной безопасности генералу армии В. Меркулову⁷.

В полученных вскоре ответах было предложено привлечь к уголовной ответственности и других лиц. Список превышал 100 человек! В пять раз больше, чем предлагали англичане.

Работа комиссии по руководству «советской частью обвинения»

Комиссия собиралась один раз в неделю и рассматривала в основном запросы, которые поступали от советских представителей в Токио, и принимала меры для их удовлетворения. Любое предполагаемое официальное выступление советского представителя на процессе рассматривалось и утверждалось комиссией, каждое заседание которой оформлялось протоколом, с которым знакомился Молотов, а в исключительных случаях — и Сталин.

Вот, к примеру, как оперативно решались комиссией на заседании 24 сентября 1947 г. тринадцать вопросов о ходе Токийского трибунала. Принимавшие участие в заседании девять человек постановили:

- «1. Поручить тов. Горшенину и Розенблит в недельный срок составить суммирующую докладную записку:
 - а) Что достигнуто на прошедших этапах процесса.
 - б) Какова должна быть наша позиция на предстоящих этапах Токийского процесса.
 - в) Какие имеются слабые места в нашем обвинении и какие необходимы дополнительные материалы для восполнения имеющихся пробелов.
2. Отобранные Архивным Управлением МИД 7 документов о провокациях на КВЖД в Токио не посылать.
3. Просить тов. Чернышева⁸ о доставке из Ташкента в Москву допрошенных свидетелей по делу провокаций на КВЖД (Алексеев, Скидельский, Сакама и др.) с целью их передопроста и отбора свидетелей для посылки на процесс.

4. Материалы судебного дела о Кобылкине отослать в Токио для предъявления в Международный военный трибунал.
5. Приговор по делу Лин Шен До, Ким И Себ и др. отослать в Токио для предъявления в Международный военный трибунал. Одновременно послать справку о том, что упоминаемое в приговоре «некое государство» является Японией.
6. Записи бесед тов. Литвинова⁹ и Сигемицу¹⁰, имевших место во время хасанских событий, отослать тов. Васильеву для использования в качестве доказательств, предварительно внеся в материалы необходимые технические исправления.
7. По разделу обвинения о потоплении японцами советских судов запросить тов. Васильева сообщить свое мнение по поводу целесообразности вызова в суд свидетеля Карасава. Запросить тов. Исакова, кого из офицеров Главного военно-морского штаба он считает возможным выделить в качестве свидетеля на Токийском процессе.
8. По вопросу о юридическом статусе свидетелей-японцев, показания которых были предъявлены советским обвинением в Международный военный трибунал, просить тов. Федотова¹¹ срочно подготовить необходимые справки. Причем в большей части справок указать, что свидетели-японцы привлекаются и по подозрению в совершении преступлений против Советского Союза, а в остальных справках указать, что они являются обычными военнопленными.
9. По вопросу о бактериологической войне запросить тов. Васильева, не связан ли допрос новых свидетелей в Токио с каким-либо риском для нас. Одновременно указать ему, чтобы он сообщил Международному военному трибуналу о наличии новых материалов по бактериологической войне, которые будут представлены при допросе подсудимого Умедзу¹². Просить тов. Чернышева поручить полковнику Кудрявцеву передопросить Кавасима и Карасава¹³ и допросить имеющихся в СССР новых свидетелей подготовки бактериологической войны, а материалы переслать непосредственно в Токио — тов. Галстухову.
10. Протоколы допросов Медведева, Чумакина и Ефимова дать на просмотр тов. Вышинскому для определения их пригодности как доказательств для Токийского процесса.
11. По вопросу о переводчиках просить тов. Зейдина сообщить фамилии переводчиков, направляемых в Токио, и в каком положении находится оформление их отъезда.
12. По вопросу о предполагаемом использовании защитой материалов Коминтерна дать указание тов. Васильеву категорически отводить эти материалы как не имеющие отношения к советскому правительству и к делу.
13. По поводу докладных записок Сигемицу 1935 года просить тов. Федотова переслать тов. Васильеву в Токио подлинные копии, с помощью которых расшифрован текст докладных записок. Тов. Васильеву предложить разыскать в Токио бывшего секретаря Сигемицу Такахаси и допросить его по существу записок. Если Такахаси подтвердит свои показания, данные ранее в Москве, то можно предъявить в суд фотокопии обеих записок и одновременно допросить Такахаси в суде в качестве свидетеля для их идентификации¹⁴.

Подготовка свидетелей обвинения

23 августа 1945 г. Сталин подписал Постановление Государственного Комитета Обороны № 9898сс о вывозе на территорию СССР «около 500 тысяч японских военнопленных»¹⁵. Это постановление явилось нарушением ст. 9 Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., в соответствии с которой японские военнослужащие, за исключением военных преступников, должны были после разоружения отправиться домой. Но они были незаконно интернированы советскими военными властями и депортированы на советскую территорию.

Основная масса интернированных японцев была привлечена к труду. Но особую ценность представляли интернированные генералы и старшие офицеры-участники военных действий, работники планов их ведения, а также работники органов разведки и контрразведки. Во-первых, они являлись важным источником сведений о подготовке и ходе войны. Во-вторых, из их числа можно было подобрать и подготовить свидетелей обвинения для Токийского трибунала.

Основные кандидаты, которые могли быть использованы на Токийском процессе, были сосредоточены в Хабаровске. На «спецобъекте № 45» (в настоящее время там располагается городская поликлиника № 3) содержалось 170 генералов Квантунской армии, 22 министра Маньчжоу-го и император Пу И со своей свитой. В специальном лагере на «Черной речке»

находилось более трехсот старших офицеров, японских разведчиков, жандармов и влиятельных чиновников Маньчжоу-го. Именно эти лица должны были представить для Токийского трибунала сведения обвинительного характера.

В январе 1946 г. была создана специальная команда по подготовке свидетелей обвинения для Токийского трибунала, а также для получения сведений, которые можно было бы использовать для разоблачения японских милитаристов. Эту группу возглавил начальник Управления НКВД (с марта 1946 г. — МВД) СССР по Хабаровскому краю генерал-лейтенант И. Долгих. Всего в работе этой группы в разное время принимало участие более 1000 человек.

В результате тщательного изучения интернированных японских генералов, офицеров и чиновников было отобрано 30 генералов, 36 старших офицеров и 11 чиновников, которые выразили готовность выступить в Токийском трибунале. Рапорт о каждом кандидате в свидетели Долгих докладывал министру МВД СССР Круглову, который за подписью докладывал лично Сталину. И. Сталин окончательно определял, кто из японцев поедет свидетелем советского обвинения на Токийский трибунал.

Таких свидетелей, в конце концов, было отобрано две группы по три человека в каждой:

первая группа — начальник железнодорожного сообщения Маньчжоу-го генерал-лейтенант Кусаба Тацуми, заместитель начальника штаба Квантунской армии генерал-майор Мацумура Томокацу и начальник отделения штаба Квантунской армии подполковник Сэдзима Рёдзо;

вторая группа — командующий армией генерал-лейтенант Мураками Кэйсаку, правитель общих дел (премьер-министр) Маньчжоу-го Такэбэ Рокудзо и начальник шифровального отдела штаба Квантунской армии майор Мацуура Кусо.

Затем первую группу отобранных кандидатов в свидетели увезли на специальный «объект» (до осени 1938 г. это была дача маршала Блюхера). Здесь для них были созданы благоприятные условия проживания, отрабатывался сценарий выступления свидетелей. При этом особое внимание уделялось ответам на «провокационные вопросы», которые могли задать защитники.

После того как специальная комиссия убеждалась в готовности свидетелей выступить

в Токийском трибунале, о личности кандидата в свидетели обвинения снова докладывали Сталину. Если он давал санкцию, свидетелей одевали в приличные костюмы и под охраной самолетом отправляли на военный аэродром на станции Угловая под Владивостоком. Там их пересаживали на другой военный самолет, который вылетал в Японию и совершал посадку в аэропорту Ханэда, где их встречали советские представители, и всю группу отвозили в здание бывшего штаба фирмы «Мицубиси». В этом здании размещались советские участники Токийского трибунала. Свидетелям отводились специальные комнаты, в которых они жили при наружной охране. Там же для них были организованы питание и демонстрация кинофильмов. На заседания трибунала и обратно свидетелей доставляли под охраной.

Прежде чем предложить японским военнопленным выступить свидетелями, у них предварительно брали собственноручно исполненное на японском языке письменное показание, каждую страницу которого опрашиваемый заверял своей подписью. Затем этот документ переводился на русский язык и заверялся юридически.

Начальник УМВД по Хабаровскому краю И. Долгих успокаивал Москву, сообщая, что японские генералы Кусаба Тацуми, Мацумура Томокацу, подполковник Сэдзима Рёдзо к выступлению в Токийском трибунале подготовлены. По его словам, все трое твердо заявили, что в качестве свидетелей полностью подтвердят свои показания, заверили, что никаких хлопот советскому правительству не доставят и долг свидетелей выполнят, хотя им и не особенно приятно будет давать показания против своих бывших руководителей. Вместе с тем, докладывал Долгих, они опасаются, что в Токио их заключат в тюрьму или передадут американцам для использования в других, второстепенных процессах. Все трое выразили желание быть доставленными в Токио и находиться под покровительством работающих с ними полковника Кудрявцева и майора Образумова.

Свидетели-японцы были благополучно доставлены в Токио. Для них даже была организована экскурсия по разрушенной американской бомбардировочной авиацией столице. Т. Мацумура и Р. Сэдзима достойно, с точки зрения советской стороны обвинения, выступили в Токийском трибунале. После выступления на заседании трибунала свидетели были возвращены в Хабаровск. Но не все.

В ночь с 19 на 20 сентября 1946 г. была поднята тревога — охранник обнаружил генерал-лейтенанта Кусаба мертвым. Это случилось накануне его выступления в Токийском трибунале.

После смерти генерала Т. Кусабы вторую группу перед отправкой в Токио вызвали в Москву, где с ними провели «воспитательные беседы». Затем поездом они были отправлены во Владивосток, из которого на самолете доставлены в Токио, а после выступления на процессе были возвращены в Советский Союз.

Судьба свидетелей обвинения

Несмотря на неприятности, связанные с самоубийством генерала Кусаба, доставленные из Советского Союза японские свидетели вели себя достойно. Советская сторона обвинения сообщала, что свидетели «не дали ни малейшего намека на что-либо, похожее на принуждение, хотя защита всевозможными прямыми и наводящими вопросами всячески старалась понудить свидетелей дать желательный для защиты ответ»¹⁶. В Москву сообщили также о попытке американского защитника майора Блэки подвергнуть сомнению добровольность дачи показаний японскими свидетелями, но трибунал постановил: «Нет никаких доказательств, оправдывающих заявление, сделанное майором Блэки о том, что оказывалось давление на свидетелей для получения нужных показаний»¹⁷.

Судьба пяти свидетелей сложилась по-разному. Генерал-лейтенант Мураками Кэйсаку после возвращения в СССР был осужден на 25 лет, и в 1948 г. умер в лагере г. Красногорска под Москвой. Генерал-майор Мацумура Томокацу после возвращения в Советский Союз также был осужден на 25 лет, находился в лагере под Иваново, вернулся в Японию в декабре 1956 г. «Премьер-министр» Маньчжоу-го Такэбэ Рокудзо в начале 1950 г. был передан властям КНР, где был осужден на 25 лет; в Японию вернулся в 1956 г. Майор Мацуура Кусуо после возвращения в Японию в 1950-х годах по неизвестным причинам покончил с собой; подполковник Сэдзима Рёдзо после выступления свидетелем обвинения в Токийском трибунале был возвращен в СССР и осужден на 25 лет, находился в специальном лагере № 16 в Хабаровске, вернулся в Японию в декабре 1956 г., скончался 3 сентября 2007 г. на 97-м году жизни.

СССР отказывался выдавать японцев

Представитель СССР в Токио генерал Деревянко регулярно сообщал о просьбах американцев выдать им совершивших воинские преступления японских военнослужащих, оказавшихся в лагерях МВД для военнопленных на территории СССР. Но почти ни один запрос американцев не был удовлетворен.

В ответ американцам была высказана просьба передать в руки советского правосудия находящихся у них под стражей начальника «Отряда 731» генерал-лейтенанта Исии Сиро. Но американцы и не собирались этого делать.

Так 24 августа 1947 г. Вышинский информировал первого заместителя министра внутренних дел ССР генерал-полковника И. Серова, что союзники настаивают на выдаче генералов Китадзава Сададзиро и Такуми Хироси.

Генерал-лейтенант С. Китадзава был назначен командиром 123-й пехотной дивизии 4-й армии в Маньчжурии только 25 января 1945 г., а до этого являлся начальником штаба паровозного транспорта японской армии в Сингапуре. Англичане обвиняли его в жестоком обращении с британскими и союзными военнопленными при перевозке их из Юго-Восточной Азии в Японию, в результате чего многие умерли от голода и болезней.

Генерал-майор Такуми Хироси, командир специальной бригады (она называлась «бригадой Такуми» и в 1942 г. входила в состав 5-й дивизии в Малайе) обвинялся в массовом убийстве китайцев в Джохоре.

Советская сторона согласилась выполнить просьбу-требование бывших союзников, но при условии их благожелательного отношения к ее пожеланиям. 5 сентября 1947 г. С. Круглов сообщил А. Вышинскому, что «Советское правительство согласно передать Китадзава и Такуми при условии передачи Исии и Ота»¹⁸.

Американцы поняли, что им с Советами не договориться, и на этом «торг» был закончен.

Штаб Маккартура требует выдать преступников

Американская сторона, особенно защитники, ссылаясь на просьбы обвиняемых, процесса постоянно требовали доставить в Токио находящихся в советских лагерях японских военнопленных.

Это видно из следующей таблицы за 1946 год:

№	Звание	фамилия и имя	время запроса	Время и ответ советской стороны
1	генерал-полковник	Кита Сэйити	03.07.1946 23.11.1946	04.10.1946. Не может быть доставлен в Токио из-за болезни; посылка нецелесообразна
2	генерал-лейтенант	Хата Хикосабуро	26.07.1946 23.11.1946	16.08.1946. Передавать американцам для предания суду нецелесообразно; посылка нецелесообразна
3	генерал-майор	Мацумура Томокацу	13.08.1946 23.11.1946	направлялся на Токийский трибунал в качестве свидетеля; на процесс посылался
4	генерал-майор	Иида Содзиро	13.08.1946 23.11.1946	07.09.1946. Направлять в Токио нецелесообразно; посылка нецелесообразна
5		Такэбэ Рокудз	24.10.1946 23.11.1946	04.10.1946. Послана справка о болезни; посылка нецелесообразна; (направлялся во второй группе свидетелей)
6	генерал-полковник	Ямада Отодзо	24.10.1946 23.11.1946	ответа не было, ответа не было
7	генерал-полковник	Усироку Дзюн	24.10.1946 23.11.1946	23.11.1946. Посылка нецелесообразна; посылка нецелесообразна
8		Онодэра Наосукэ	24.10.1946	ответа не было
9	генерал-лейтенант	Иосиока Ясунао	24.10.1946 23.11.1946	ответа не было ответа не было
10		Хасимото Тараносукэ	24.10.1946 23.11.1946	ответа не было ответа не было
11		Накадзима Хитакити	24.10.1946	ответа не было
12		Фуруми Тадаити	24.10.1946 23.11.1946	ответа не было ответа не было
13		Мацуда Гэндзи	24.10.1946	ответа не было
14	генерал-лейтенант	Мураками Кэйсаку	23.11.1946	23.11.1946. Посылка нецелесообразна, (направлялся во второй группе свидетелей)
15		Накаи Тоити	планируется вызов	не направлялся
16		Симомура Нобусада	планируется вызов	не направлялся
17		Суэтакэ Камэдзо	планируется вызов	не направлялся
18		Като Митио	планируется вызов	не направлялся
19	генерал-лейтенант	Томинага Киодзи	планируется вызов	Согласие т. Вышинского на посылку имеется; (не направлялся)
20	Полковник	Асада Сабуро	планируется вызов	не направлялся
21	генерал-лейтенант	Янагита Гэндзо	планируется вызов	не направлялся
22		Миякэ	планируется вызов	
23	генерал-майор	Акикуса	планируется вызов	не направлялся
24	Подполковник	Нохара Комакити	планируется вызов	Направлен из СССР в Германию на прежнее место жительства (не направлялся)
25		Оцуба Кацума	планируется вызов	23.11.1946. Посылка нецелесообразна

№	Звание	фамилия и имя	время запроса	Время и ответ советской стороны
26		Хитоми Пойти		23.11.1946. Посылка нецелесообразна
27		Оцу Тосио		23.11.1946. Посылка нецелесообразна
28	Майор	Мацуура Кусио		23.11.1946. Посылка нецелесообразна, (направлялся во второй группе свидетелей)
29	стлейтенант	Араки Эсио	13.11.1946	23.11.1946. В списках интернированных имеется, но к Токийскому трибуналу не имеет отношения
30	Капитан	Енэмура Сиодзе	13.11.1946	23.11.1946. В списках интернированных нет
31	генерал-майор	Аримура Цунэмита	Запрос Англии от 25.09.1946	
32	генерал-майор	Кавасима Киоси	05.11.1946	20.11.1946. МВД считает направлять в Токио нежелательно
33	Майор	Карасава Томно	05.11.1946	20.11.1946. МВД считает направлять в Токио нежелательно

Советский Союз спасает генерала Ц. Аримура¹⁹

Одним из тех, на кого «точили зуб» англичане, был генерал Аримура Цунэмита. Еще до начала работы Токийского трибунала в марте 1946 г. они обратились с просьбой к Деревянко выдать им генерала, который, по их данным, был интернирован советскими войсками в Маньчжурии и вывезен на территорию Советского Союза.

8 мая 1946 г. из Москвы в Токио было направлено сообщение, что генерала Аримура на территории СССР нет.

Но англичан такой ответ не удовлетворил, и 20 сентября 1946г. они снова обратились с той же просьбой. МВД СССР 8 октября сообщило в МИД, что генерал-майор Аримура Цунэмита находится в одном из лагерей МВД для военнопленных. Компрометирующих материалов на него не имеется.

11 ноября МИД СССР за подписью заместителя министра Я. Малика повторно запросил МВД, не имеется ли с его стороны возражений против передачи генерала Аримура англичанам. Но МВД на это письмо не ответило. В рабочем порядке по телефону сотрудники МИД просили МВД ускорить ответ и четко выразить свое мнение о передаче японского генерала англичанам. МВД отказалось сделать это, но заявило, что министерство не будет возражать против передачи, если поступит соответствующее указание сверху. От кого? Видимо, от Сталина. Поскольку такое указание не поступило и МВД не спешило передавать генерала Аримура, МИД СССР избрал тактику затягивания ответа англичанам.

Однако англичане продолжали настаивать на выдаче генерала. И тут Малика осенила счастливая мысль. 15 февраля 1947 г. он пишет письмо заместителю министра Государственной безопасности генерал-лейтенанту Федотову, в котором предлагает следующее: «Прежде чем решать вопрос о передаче Аримура англичанам, желательно было бы выяснить и уточнить, нет ли у нас надобности потребовать в свою очередь от англичан какого-либо японского или немецкого генерала или другого лица, находящегося в плену или под контролем англичан, в получении которого мы заинтересованы или для предания суду в СССР за совершение этим лицом преступлений против нашей страны или по другим каким-либо мотивам»²⁰.

Поиски немецкого или японского генерала, которого Советский Союз мог бы обменять на генерала Аримура, закончились ничем. Но возникла другая идея.

1 апреля 1947 г. генерал Федотов сообщил Малику: «В случае положительного решения вопроса в обмен на Аримура желательно получить от англичан руководителя расправы над членами «Молодой гвардии» (так называлась молодежная подпольная организация в оккупированном немцами г. Краснодоне. — А. К.) бывшего начальника Краснодонской полиции Соликовского Василия Александровича, 1904 года рождения, уроженца села Нишевцы, Винницкой области. Соликовский находится в Австрии в английском лагере Санкт-Мартин около города Филах»²¹.

Такое предложение было сделано англичанам, но «сделка» не состоялась, и больше они генералом Аримурой не интересовались.

В это время здоровье генерала уже было попорчено. Он был помещен в госпиталь, но врачи оказались бессильны. В 1949 г. он умер и был захоронен на станции Хор Хабаровского края. Несколько лет назад родственники вывезли его прах в Японию.

Загадка «меморандума Танаки»

В 1927 г. в мировой печати был опубликован сенсационный документ — «меморандум позитивной политики Танака», якобы подготовленный для доклада императору Японии Хирохито премьер-министром генералом Танака Гиити. В «меморандуме» излагался план последовательного покорения Японией силовыми методами всего мира. Танака Гиити до конца дней своих пытался доказать, что никакого «меморандума» он не писал, что это фальшивка. Но чем больше он доказывал, тем меньше ему верили.

В последних российских публикациях начинают появляться сомнения в реальности «меморандума Танаки». Если бы такой «меморандум» действительно существовал, он бы в обязательном порядке был затребован Токийским трибуналом в качестве доказательства агрессивности Японии.

Лучшим доказательством этого служит следующее письмо:

«Копия Секретно
Тов. Вышинскому А. Я.

Маршалом Чойбалсан по нашей просьбе было прислано в Токио на имя обвинителя от СССР заявление об обстоятельствах нападения японских войск на Монгольскую Народную Республику в 1939 г. в районе реки Халхин-Гол. Это заявление имелось в виду представить в Международном военном трибунале в качестве доказательства агрессивных действий Японии, поскольку документы Генерального штаба Советской армии, которыми мы располагаем, недостаточно освещали начальную фазу японского нападения.

Однако в заявлении Маршала Чойбалсана содержится несколько ссылок на меморандум Танаки, написанный в 1927 г., подлинность которого в настоящее время подвергается сомнению. По данным американского обвинения, можно опасаться, что подложность меморандума Танаки будет доказана защитой в стадии ее выступления. Поэтому обвинение избегало ссылок на него, чтобы этим не скомпрометировать своего доказательственного материала.

Мы в своих выступлениях на процессе также ни разу не упоминали о меморандуме Танаки.

В связи с этим прошу Вашего разрешения на возвращение через нашего посла в Монгольской Народной Республике Маршалу Чойбалсану его заявления для пересоставления с целью исключения из него ссылок на меморандум Танаки.

20 ноября 1946 г.

подпись (С. Голунский)²²

В документе все сказано предельно откровенно. Хотел бы только напомнить, что в то время заместитель министра иностранных дел СССР А. Вышинский был председателем комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) по руководству советской частью обвинения на Токийском трибунале, а генерал-майор юстиции С. Голунский, был на процессе главным обвинителем советской части обвинения. Монголия не была допущена союзниками для участия в Токийском трибунале, так как считалась частью Китая и только Советский Союз признавал ее независимой страной и представлял ее интересы на процессе.

Результатом реакции А. Вышинского на докладную С. Голунского явилось следующее. Представителям СССР удалось добиться того, что «меморандум Танаки» был признан официальным обвинительным документом за № 169, и он был представлен... американской стороной обвинения!

Мемуары Ф. Коноэ

Князь Коноэ Фумимаро был одним из крупнейших государственных деятелей Японии первой половины XX в. Представитель одной из боковых ветвей императорской фамилии Ф. Коноэ был японским националистом, видел благополучие своей родины в противостоянии англосаксам и другим «старым» колониальным державам. Он считал, что Япония должна установить прочные союзнические отношения с Германией, Италией и Советским Союзом.

В 1930–1940-е годы Ф. Коноэ трижды был премьер-министром Японии, не без его воздействия Япония в 1937 г. втянулась в войну с Китаем, он был одним из основоположников доктрины «Великой Восточной Азии». Но он не был сторонником войны с Советским Союзом. Об этом Москва не могла не знать, ибо Одзаки, помощник премьер-министра Коноэ, был надежным агентом Рихарда Зорге. Сам Зорге тоже был вхож к Коноэ и знал его предрасположенность к СССР, о чем информировал Москву.

Коноэ считал, что Советский Союз должен присоединиться к тройственному союзу Япония —

Германия — Италия. Такой союз мог рассчитывать на победу в противостоянии с англосаксами.

Однако события развивались не по тому сценарию, который предлагал Ф. Коноэ. 22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз. Возглавлявший в то время японское правительство Коноэ приложил немало усилий для того, чтобы Япония двинулась на Юг, а не на Север. По его настоянию от должности министра иностранных дел был отстранен И. Мацуока, который настаивал на поддержке Гитлера в войне с СССР. В октябре 1941 г. кабинет Коноэ пал, и на смену ему пришел кабинет Х. Тодзио.

Ф. Коноэ оказался не у дел. Он написал мемуары, в которых осветил предвоенные события. Эти мемуары сводили на нет важное обвинение Японии в том, что она в союзе с Германией стремилась расправиться с Советским Союзом.

Главный советский обвинитель в Токийском трибунале С. Голунский 7 июня 1946 г. направил запрос А. Вышинскому (копия запроса была послана также генеральному прокурору СССР К. Горшенину), в которой сообщил, что заместитель министра иностранных дел СССР С. Лозовский прислал телеграмму с рекомендацией «воздержаться от использования на суде так называемого меморандума Коноэ... ввиду того, что этот меморандум может выставить в выгодном свете японского императора, не желавшего войны»²³.

С. Голунский с полным на то основанием докладывал, что «выполнение этих указаний для нас очень затруднительно»²⁴ и предлагал использовать только части мемуаров Коноэ. Вышинскому был прислан перевод мемуаров Коноэ²⁵, в котором определенные места были подчеркнуты где красным карандашом, а где — черным.

Например, красным карандашом была подчеркнута фраза «...армия намеревалась использовать этот союз (с Германией. — А. К.) для реализации давно лелеемого желания разбить Советский Союз»²⁶. Эти слова Коноэ разоблачали агрессивность Японии. Но вот следующая фраза звучала по другому: «...флот яростно протестовал против этого»²⁷. Не разбираясь с причинами (ответ простой — японскому флоту крайне нужны были уже действовавшие нефтяные скважины Юга, а не неосвоенные нефтяные месторождения в Сибири), почему японский флот оказался таким «несознательным», С. Голунский просто рекомендовал проигнорировать эту фразу.

В мемуарах Коноэ говорилось о союзе четырех держав — Германии, Италии, Японии и СССР. Или

о взглядах императора Японии Хирохито, который занимал осторожную позицию и не ввязывался в авантюру Гитлера, затеявшего войну с Советским Союзом. «Я все больше восхищаюсь теперь глубокой осторожностью Его Величества...»²⁸.

В тех мемуарах Коноэ говорилось также о тогда еще засекреченных переговорах В. Молотова с Гитлером в Берлине в ноябре 1941 г., в ходе которых Гитлер не согласился с требованием СССР отдать ему стратегически важные районы в Европе и Азии в обмен на вступление в тройственный союз²⁹.

Ф. Коноэ считал, что ось Берлин — Рим — Токио без участия Советского Союза — мертворожденный ребенок. Его участники неминуемо потерпят поражение. Всю войну Ф. Коноэ был вне политики. Под конец войны он пытался заинтересовать Сталина в необходимости установления с Японией тесных отношений и помочь ей достойно выйти из войны. Достойно — это сохранить императора.

Приговор

Всего к суду Токийского трибунала было привлечено 28 человек. 12 декабря 1948 г. 7 человек — генералы Хидэки Тодзио, Кэндзи Доихара, Сэйсиро Итагаки, Иванэ Мацуи, Акира Муто, Хэйтаро Кимура и одно гражданское лицо — бывший посол в СССР, бывший министр иностранных дел и бывший премьер-министр Японии Коки Хирота были приговорены к смертной казни через повешение, 16 обвиняемых были приговорены к пожизненному тюремному заключению, бывшие министры иностранных дел Сигэнори Того и Мамору Сигэмицу — соответственно к 20 и 7 годам заключения. Еще в день задержания 16 декабря 1945 г. покончил с собой Коноэ, в июне 1946 г. в тюрьме умер бывший министр иностранных дел Ёсукэ Мацуока. Идеологу японского милитаризма Аюкава приговор не выносился в связи с неизлечимой болезнью.

Советский обвинитель в Токийском трибунале за смертную казнь не голосовал, потому что в СССР в тот момент (с 26 мая 1947 по 12 января 1950 г.) смертная казнь в Советском Союзе была отменена. Но советская сторона обвинения приложила немало усилий для того, чтобы такой приговор состоялся.

В ночь на 23 декабря 1948 г. сержант американской армии Джон Вуд (родом из штата Техас) в тюрьме Сугамо привел приговор в исполнение.

Говоря о роли Советского Союза в вынесении приговора Токийским трибуналом, нужно

остановиться на судьбе двух бывших послов Японии в СССР — С. Того и К. Хирота.

По мнению американцев, бывший министр иностранных дел Сигэнори Того явился одним из основных виновников развязывания войны Японии с США. Американская сторона обвинения была твердо намерена добиться смертного приговора ему. Когда об этом доложили Сталину, он приказал любыми путями спасти С. Того.

С личностью Того у Сталина были связаны позитивные воспоминания. Во время событий на Халхин-Голе (Номонхан) в 1939 г. Того был послом Японии в СССР и немало сделал для урегулирования конфликта. Эти его усилия не остались незамеченными Сталиным. Кроме того, к концу 1946 г. отношения между СССР и США были настолько накалены, что любую помеху в реализации планов американцев Сталин считал своей победой.

Пока неизвестно, каким образом советской части обвинения удалось выполнить приказ Сталина. Но Того не только был спасен от смертного приговора, но и приговорили его к 20 годам, тогда как почти все осужденные были приговорены к пожизненному тюремному заключению (за исключением М. Сигэмицу, который был осужден на 7 лет).

Иначе сложилась судьба Хирота Коки, оказавшегося в числе семи повешенных по приговору Токийского трибунала. Во время Второй мировой войны он был отстранен от активной политической деятельности, и остается загадкой, почему его казнили? Возможно потому, что, будучи выходцем из пролетарской среды (его отец был простым каменщиком), он, тем не менее, отнюдь не был сторонником страны победившего пролетариата? Сталин знал, что посол Японии в СССР в 1931–1932 гг. К. Хирота в своих докладах в Токио настоятельно требовал начать войну с Советским Союзом (ОГПУ имело возможность добывать эти доклады и представлять их вождю раньше, чем они ложились на стол императору Японии).

В 1977 г. на военном мемориальном кладбище в пригороде г. Нагоя был поставлен памятник семи казненным преступникам. Там символически был захоронен их прах.

Хабаровский трибунал

В апреле 1949 г. министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов вышел в Инстанцию с предложением провести открытый уголовный процесс, на котором осудить виновных японских генералов и офицеров из числа военнопленных, непосредственно причастных к деятельности так

называемого «противоэпидемического отряда №731». «Отряд № 731» был создан по указу японского императора Хирохито в 1936 г. и располагался в 25 км от Харбина. Начальником «отряда» был назначен Исии Сиро, который еще в начале 1930-х годов под чужой фамилией «стажировался» в качестве ветеринарного врача в кавалерийской дивизии под Ленинградом. С. Исии поставил дела на широкую ногу: была развернута научная работа по созданию бактериологического оружия, его испытание и даже было три попытки его практического применения. В каждом полку было выделено специальное подразделение, которое занималось выполнением особых заданий «отряда 731».

Когда советские войска 9 августа начали наступательную операцию против Квантунской армии, отдельная 4-я японская армия выделила специальную роту, которая в течение трех дней демонтировала основную аппаратуру «Отряда 737» и вместе с документацией и личным составом переправила на юг Корейского полуострова, чтобы все передать американцам. Все постройки и оставшееся оборудование было уничтожено.

Однако японцам не удалось полностью «загнать следы» и среди японских военнопленных было выявлено к 1949 году 206 лиц, имевших прямое отношение к деятельности «Отряда 731».

Все попытки советской стороны обвинения поднять на Токийском процессе вопрос о подготовке Японией бактериологической войны встречали упорное нежелание американцев. Советская сторона не один раз поднимала вопрос о необходимости допроса генерал-лейтенанта Исии Сиро, но американцы всякий раз отказывали. 16 апреля 1947 года Деревянко сообщил ответ американцев: «...Что касается Исии и Ота, то они не могут быть переданы, так как у Советского Союза, по-видимому, нет ясно выраженных интересов в военных преступлениях, якобы совершенных японцами над китайцами и маньчжурами».

В конце концов из Москвы советской стороне обвинения поступило указание, что если американцы отказываются от вызова этих свидетелей, то нам не следует с этим вопросом к американцам обращаться.

К концу 1949 года основная масса японских военнопленных была репатриирована и в Советском Союзе остались лица, которых обвиняли в совершении воинских преступлений.

27 ноября 1949 г. министр МВД Круглов С. Н. докладывал Молотову В. М., что в соответствии с Постановлением СМ СССР от 8.10.1949 г.

№ 4284–1788с, закончено следствие в отношении японских генералов и офицеров, которые непосредственно причастны к деятельности «Отряда 731».

С 25 по 30 декабря 1949 г. Военный трибунал Приморского военного округа в открытом заседании провел процесс, на котором было осуждено 12 японских генералов и офицеров, непосредственно причастных к производству и использованию бактериологического оружия. Во время войны в Корее американцы пытались оказать

давление на генерала Исии Сиро в организации использования бактериологического оружия против Северной Кореи. Осужденным был определен срок заключения в ИТЛ от 25 до 10 лет. О Хабаровском процессе и его результатах средства массовой информации США хранили глубокое молчание. Попытка Японии реабилитировать осужденных в конце 1990-х годов оказалась безрезультатной.

Остальные 194 японских военнопленных, причастных к «Отряду 731», были также осуждены Военным трибуналом войск МВД Дальнего Востока.

¹ АВП РФ, ф. 0146, оп. 30, п. 282, д. 28, л. 10.

² Там же.

³ Там же, л. 11.

⁴ Там же.

⁵ «СМЕРШ» («Смерть шпионам») — военная контрразведка. «СМЕРШ» был создан 19 апреля 1943 г. на базе Управления особых отделов НКВД, подчинялся непосредственно Сталину. Его начальник Абакумов одновременно являлся заместителем наркома обороны. Затем он был министром государственной безопасности. В 1951 г. арестован. В 1954 г. расстрелян по велению Хрущева, который его смертельно боялся, потому что Абакумов владел компрометирующими Хрущева материалами.

⁶ АВП РФ, ф. 0146, оп. 30, п. 282, д. 28, л. 1.

⁷ Там же, л. 2–4.

⁸ В. Чернышев — генерал-полковник, заместитель министра внутренних дел СССР.

⁹ М. Литвинов — в 1930–1939 гг. нарком иностранных дел СССР.

¹⁰ Сигэмицу Мамору — в 1935–1938 гг. посол Японии в СССР, в 1944–1945 гг. — министр иностранных дел Японии.

¹¹ О. Федотов — генерал-лейтенант, заместитель министра государственной безопасности, начальник 2-го Главного управления (контрразведка).

¹² Умэдзу — полный генерал, в 1939–1944 гг. — командующий Квантунской армией. Как начальник Генерального штаба Японии вместе с Сигэмицу 2 сентября 1945 г. подписал акт о капитуляции Японии. Токийским трибуналом приговорен к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

¹³ К. Кавасима и Т. Карасава были привлечены к уголовной ответственности в декабре 1949 г. Хабаровским военным трибуналом в числе 12 японских военнопленных, принимавших непосредственное участие в разработке бактериологического оружия в «Отряде 731».

¹⁴ АВП РФ, ф. 0146, он. 31, п. 292, д. 36, л. 93–96.

¹⁵ Точное количество военнопленных Квантунской армии и интернированных японцев никому неизвестно, потому что даже командование Квантунской армии не знало точное количество своего воинского состава, так как некоторые части находились еще в процессе формирования.

¹⁶ ГАРФ, ф. 7867, он. 2, Там же, д. 154, л. 9.

¹⁷ Там же.

¹⁸ АВП РФ, ф. 0146, оп. 31, п. 292, д. 38, л. 153.

¹⁹ Ц. Аримура — генерал-майор. Умер в 1949 г. в советском специальном госпитале для японских военнопленных.

²⁰ АВП РФ, ф. 0146, оп. 31, п. 292, д. 37, л. 1.

²¹ Там же, л. 124.

²² Там же, оп. 30, п. 282, д. 29, л. 297.

²³ Там же, д. 28, л. 168.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 170–196.

²⁶ Там же, л. 170.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 173.

²⁹ Там же, л. 174.